

ГЛАВА 1

Собеседников было трое: полковник Грошев, майор Захаров и старший лейтенант Тузовский. Полковник и майор представляли разведку армии, Тузовский был летчиком. Разговор был серьезный. Грошев и Захаров вели себя сдержанно, Тузовский был возбужден и раздражен.

— Сколько можно спрашивать об одном и том же! — Тузовский энергично и со злостью потер лоб. — Говорю же, я все видел собственными глазами! Три раза на предельно низкой высоте пролетел над этим местом! Тут даже слепой — и то все увидел бы! А я все-таки не слепой! Я — летчик! — И Тузовский раздраженно махнул рукой.

— Да ты не сердись, — вздохнул Захаров. — Дело-то серьезное. Еще какое серьезное! Тут, понимаешь, ошибиться нельзя. Ошибемся — останемся в дураках. Да если бы только в одном этом было дело. — Захаров еще раз вздохнул. — Но ведь там — люди! Много людей! Наши пленные солдаты, партизаны, попавшие в плен... Наверно, есть и гражданские. Пропадут, если мы им не поможем. Убьют их фашисты. Поэтому все надо знать точно.

— Расскажи все еще раз, — сказал Грошев. — Со всеми подробностями, не упуская никаких мелочей. Сам понимаешь — в разведке мелочей не бывает. А ты летал в разведку. Ну, мы тебя слушаем.

— Ох! — вздохнул Тузовский. — Но зачем же в третий раз повторять одно и то же? Ведь и без того все, что видел, рассказал...

— Ну а вдруг что-нибудь да упустил? — сказал Захаров. — Сам того не желая... Тут ведь дело такое... В общем, успокойся, выдохни и рассказывай. А мы, если понадобится, будем задавать уточняющие вопросы. Понятно тебе или непонятно?

— Понятно. — Тузовский еще раз потер лоб. — Оно, если вдуматься, то и впрямь... Мог что-то упустить. Ведь кутерьма — не приведи и помилуй. Я лечу, по мне стреляют. Да и видимость не ахти.

— Ну, вот видишь! — ободряюще усмехнулся Захаров. — Так что ты, авиация, не ерепенься. Ну, мы тебя слушаем. Мы тебя очень внимательно слушаем.

— Значит, так, — начал Тузовский. — Позавчера утром я получил задание слетать на разведку в город Астаповичи. Далеконько, конечно, но приказ есть приказ. А что, спрашиваю, разведывать? Отвечают: доберешься до Астаповичей, покружишь и выведаешь, есть ли там концлагерь. По предварительным данным вроде как есть, но нужно уточнить. Сверху оно все видно.

Ну и вот: разведаете, уточните координаты того лагеря и назад. Понятен приказ? Так точно, отвечаю. Ну, тогда готовься и вылетай. И чем быстрее, тем лучше. Дело долгое, потому что те Астаповичи далековато, почти у самой границы, так что нужно успеть засветло. Что ж? Поднимаю по тревоге свой экипаж — второго пилота и штурмана, седлаем мы свою «пешку»... Точнее сказать, Пе-2, самолет для дальней разведки. Вылетаем.

— Добрались без происшествий? — уточнил полковник Грошев.

— Можно сказать и так, — кивнул Тузовский. — Коль живыми и целыми, то, значит, без происшествий. Подлетаем к цели, к этим самым Астаповичам. А видимость — рыдать хочется! Сплошная мгла, серость, туман... Весна, понятное дело. У штурмана в руках фотоаппарат, да разве с такой высоты что-нибудь сфотографируешь? Штурман кричит мне: спускайся ниже! Да я и сам понимаю, что надо ниже... Ладно, спускаюсь. А только толку от того никакого. Ничего не видать! Еще ниже, кричит штурман. Ладно, ниже так ниже. Летим, едва не задевая крыши тех Астаповичей. Туда-обратно, туда-обратно... Город-то небольшой. Как говорится, не разгонишься. Штурман то и дело щелкает фотоаппаратом, а мы со вторым пилотом вглядываемся в эту окаянную муть.

— И что же вы увидели? — спросил полковник Грошев.

— Увидели... — Тузовский покрутил головой. — В четыре глаза — отчего бы и не увидеть? Тем более что летали мы низехонько. По крышам, можно сказать, ходили. Есть там лагерь, точно вам говорю. На западной окраине города. Народу там много. Стоят, сидят, лежат прямо на земле, несмотря на то что ранняя весна... Зачем бы они там лежали, если это не лагерь?

— А что, никаких строений вы не видели? — уточнил Захаров.

— Видели и строения, — ответил Тузовский. — Какие-то длинные здания вроде бараков. Или, может, заводские цеха. Но отчего-то люди сидели и лежали на голой земле... Не знаю почему. Лагерь это, точно вам говорю. Иначе для чего там такое количество людей? Да вы спросите у моего второго пилота и штурмана!

— Уже спрашивали, — сказал полковник Грошев.

— И что же?

— Они говорят то же самое.

— Ну, вот видите. — Тузовский помолчал и спросил: — А что же фотографии? Получилось что-нибудь?

— Кое-что можно разглядеть и на фотографиях, — ответил Грошев. — Не слишком подробно, но можно.

— И что же на них? — спросил Тузовский.

— То же самое, что вы рассказываете, — скупое ответил полковник.

— Ну, вот видите, — выдохнул Тузовский. — Лагерь это.

— Рассказывайте дальше, — велел полковник.

— А что дальше? — развел руками летчик. — Дальше по нам начали стрелять. Ну а как не стрелять, если мы туда-сюда, туда-сюда... Пришлось уходить. Стрельнули они пару раз по нам вдогонку, да на этом и все. Не попали... И погони тоже не было. С тем и вернулись. Аккурат успели к сумеркам.

Наступило короткое молчание. Каждый думал о своем: и полковник Грошев, и майор Захаров, и летчик Тузовский. О своем и одновременно об одном и том же. Они думали о концлагере в далеком отсюда городишке Астаповичи. И о людях, которые томятся в лагере. Сейчас не важно было, кто именно эти люди: военнопленные, партизаны, совсем невинные гражданские лица. Все это были советские люди. И они сейчас находились в беде. Вот о чем, всяк по-своему, размышляли и полковник Грошев, и майор Захаров, и летчик Тузовский.

— Лагерь это, — в который уже раз повторил Тузовский. — Концлагерь...

— Хорошо, ступайте, — сказал полковник летчику. — Благодарю за службу.

Тузовский хотел ответить по-военному, но почему-то не ответил, лишь скривился, махнул рукой и пошел к выходу.

— Итак, что мы имеем? — спросил полковник Грошев, когда за летчиком закрылась дверь. — А имеем мы вот что. Весна, сорок третий год. Белоруссия. Городок Астаповичи. Оно вроде бы не так и далеко, а только топать нам еще до того городка и топать. И это плохо, потому что в тех Астаповичах — фашистский концлагерь.

— А в том концлагере люди, — продолжил майор Захаров, — которым надо как-то помочь. Иначе... — Майор не договорил и вздохнул: — И сомнений, что там есть лагерь — никаких.

— Какие уж тут сомнения. — Полковник Грошев поморщился, будто у него внезапно разболелся зуб. — И партизаны говорят об этом, и подпольщики, и наша разведка. Концлагерь... Вроде бы располагается на территории бывшего завода. До войны там выпускали всякие сеялки-веялки. В общем, мирные машины сельскохозяйственного назначения. А теперь... — Полковник опять поморщился.

— Помочь надо людям, — сказал Захаров. — Спасти. Да вот только как? Что говорят местные партизаны?

— Силенок у них маловато, — ответил полковник. — Не возьмут они лагерь приступом, тут и говорить не о чем. Только людей зря положат. И армейский десант туда не высадишь. На каждый концлагерь десанта не напасешься. И бомбить нельзя... Все-таки там наши люди. Да и по-

сбивают к чертовой матери наши бомбардировщики, пока они туда доберутся.

— Ну, так разведчики на самолете добрались, — возразил Захаров. — И благополучно вернулись.

— Так то — разведка, — в свою очередь, возразил Грошев. — Один единственный самолет. А тут целая армада. Да и повезло нашим разведчикам, что и говорить. Ведь и их могли запросто сбить.

— Да уж, — вздохнул Захаров, помолчал и спросил: — Ну и что будем делать? Начальство нас ждет с конкретными предложениями.

В ответ полковник лишь пожал плечами. Он размышлял. Размышлял он довольно-таки долго, а затем с улыбкой взглянул на Захарова.

— Коль полковник Грошев улыбается, — сказал Захаров, — значит, он придумал что-то стоящее. Верная примета! Народ так и говорит...

— Что, и вправду говорит? — не поверил полковник.

— А то! Самому приходилось слышать. И притом неоднократно. Ну, так порауйте меня гениальными откровениями!

— Да какие там гениальные откровения! — отмахнулся Грошев. — Так, мыслишка... С недавних пор образовалась у нас одна дюже интересная служба. Называется — Смерш. Вроде как «смерть шпионам». Слышал о такой?

— Краем уха, — кивнул Захаров. — Хотя кто они и где находятся — того я не ведаю. Поговаривают, службу учредили совсем недавно.

— Да, — кивнул Грошев. — Что-то около месяца назад. Ну а кто они и где находятся — это мы выясним. Мы же с тобой разведка, не так ли?

— Так-то оно так, — не слишком уверенно согласился Захаров. — Да вот только... Они же вроде, этот самый Смерш, если судить по их названию, должны ловить всяких шпионов. А тут концлагерь. Пленные...

— А в концлагере, по слухам, имеется школа диверсантов, — сказал Грошев. — Во всяком случае, так нам сообщили тамошние партизаны. Да и подпольщики тоже...

— Впервые о такой слышу! — удивленно произнес Захаров.

— А вот я — слышал о том из нескольких источников, — назидательно произнес полковник. — И скорее всего, так оно и есть. Школа диверсантов... И вот скажи ты мне, какая такая принципиальная разница между шпионами и диверсантами? Не вижу особой разницы.

— Школа диверсантов, — продолжал удивляться Захаров. — Надо же... И кто же они, эти диверсанты? Где их немцы находят?

— В лагере и находят, — ответил Грошев. — Где же еще? Из числа тех же узников. Или может, ты думаешь, что не найдутся желающие?

— Нет, не думаю, — вздохнул Захаров. — Отыщутся...

— Вот то-то и оно, — сказал полковник. — Отыщутся... И в скором будущем появятся в наших тылах. Думаю, для того Смерш и создан, чтобы их обезвреживать. Вот мы и подкинем им работенку.

— Значит, так начальству мы и скажем? — в раздумье произнес Захаров.

— Так и скажем, — подтвердил полковник Грошев. — Мы — свое дело сделали. Установили, что в белорусском городке Астаповичи есть концлагерь и при нем — диверсионная школа. А все прочее — дело не наше. А, допустим, того же Смерша. — Полковник помолчал и усмехнулся: — Хм, Смерш... Интересно знать, что там за люди, в том Смерше? Что знают, что умеют, чем располагают?..

ГЛАВА 2

В тот день у смершевцев были занятия по стрельбе. Хотя что значит занятия по стрельбе? Стрелять умел каждый смершевец. В Смерше новичков не было, народ здесь был обученный, опытный и обстрелянный. У каждого смершевца была за плечами война, почти два полных года самой страшной войны, страшнее которой человечество еще не знало. Все они не раз сталкивались со смертью, ощущали на себе ее дыхание и при-

косновение — и остались в живых. А разве можно было остаться в живых на войне, если не умеешь стрелять?

Но приказ есть приказ. Велено было заниматься огневой подготовкой, смершевцы ею и занимались. И старались делать это с выдумкой. Например, стреляли по целям сразу с обеих рук. В одной руке пистолет, и в другой тоже — и пли! Стрелять из двух пистолетов сразу — намного труднее, чем из одного. Это подтвердит любой, кто хотя бы единожды держал в руках оружие.

Или — стрельба на звук с завязанными глазами. Это упражнение еще сложнее, чем стрельба с обеих рук. Там ты хоть видишь, куда стреляешь. А здесь — не видишь. Здесь у тебя завязаны глаза, а в руке — пистолет. Мишенью же служит пустая банка из-под тушенки, к которой привязана длинная веревка. Один боец тащит эту банку по земле за веревку, банка, понятное дело, гремит и дребезжит, а стрелок с завязанными глазами старается в эту банку попасть, ориентируясь исключительно на звук. Сложная задача, но вместе с тем почетная, потому что попробуй-ка попади в ту банку!

Конечно, смершевцы не знали, пригодится ли когда-нибудь им такое умение. Но уметь стрелять на войне из любого положения и в любой ситуации — дело не лишнее. Авось да пригодится. Война, если разобраться, соткана из неожиданностей. Порой может возникнуть такая ситуация,

что ни в каких учебниках, даже самых мудрых, о том не говорится ни слова. И тут уж надо полагаться только на себя и на свое умение стрелять.

По сути, это касалось любого бойца, а тем более смершевцев. Потому что Смерш — это... Впрочем, покамест смершевцы и сами еще толком не знали, что такое Смерш. Подразделение с таким громким названием было создано совсем недавно, буквально месяц назад, а за такое время поди разберись, что оно такое — Смерш. Но тем не менее все новоявленные бойцы Смерша подспудно понимали, что это дело нешуточное. Возможно даже, что оно гораздо труднее, чем отражение вражеской атаки на фронте. Там-то все понятно. Вот — ты и твои боевые товарищи, а там — враг. А тут, служа в Смерше, еще и не знаешь, кто тебе враг? Тут его еще надо заметить. Разоблачить. Доказать, что он враг. И — не ошибиться. Мудреное дело, что и говорить.

Впрочем, все это была теория, а вот практики покамест не было никакой. Какая могла быть практика, когда подразделению с грозным названием Смерш едва-едва исполнился месяц? К практике бойцам Смерша еще предстояло прикоснуться. Впрочем, теперь они и бойцами-то не именовались, теперь они были оперуполномоченными. Все было вновь — и название подразделения, и наименование должностей. Да, и это была война, но, похоже было, какая-то другая война, война с другим лицом, с другими правилами и за-

конами, которые смершевцам предстояло вызубрить в кратчайшие сроки, потому что как же ты будешь воевать, если не знаешь и не понимаешь правил, по которым необходимо сражаться с врагом? А без знания правил на войне нельзя. Все в этой жизни делается по правилам, хочешь того или не хочешь. А уж воевать тем более нужно по правилам. Сгинешь бесславно и бессмысленно, если не будешь знать правил, по которым ведется война.

В числе прочих смершевцев в стрельбе упражнялись майор Петр Стариков и капитан Евдоким Лысухин. Оба из кадровых военных, оба опытные бойцы, оба разведчики. Только того и разницы, что Старикова направили в Смерш сразу после выписки из госпиталя, а Лысухина — выдернули прямо с передовой.

Что касается Старикова, то к своему новому назначению он отнесся с полным спокойствием и пониманием. В конце концов, обычное дело — новое назначение после госпиталя. Повоевал почти два года в армейской разведке, теперь будет воевать в Смерше. Хотя оно и непонятно пока, что это такое — Смерш, но — именно пока. Там — разберемся. Тем более что никто Старикова особо и не спрашивал, где он желает дальше воевать. Новое назначение было приказом, а приказы, как известно, не обсуждают. Да и не таким человеком был майор Петр Стариков, чтобы протестовать, возмущаться или каким-то другим способом вы-

ражать свои эмоции. Что касаясь эмоций, то их Стариков всегда держал в узде — даже в самых отчаянных случаях. Он был человеком спокойным, уравновешенным, немногословным и поэтому надежным и понятным для других.

А потому, услышав о своем новом назначении, он бесстрастно произнес: «Есть!» — и лишь поинтересовался, где именно находится его новое место службы. И получив ответ, молча удалился, чем ввел в некоторую оторопь полковника, дававшего ему распоряжение о новом назначении. «Вот ведь не человек, а непрошибаемый идол! — сам себе сказал полковник, почесав затылок. — Даже не поинтересовался, а что же оно такое, этот Смерш? Хотя, признаться, я и сам толком не знаю, что же оно такое. Мне лишь было велено подбирать для этой службы толковых людей. Ну, я и подбираю. Вот подобрал этого майора. А то, что он идол, так это даже хорошо. Такие люди надежные».

Другое дело Евдоким Лысухин. Он, можно сказать, был полной противоположностью Петру Старикову. Резкий, импульсивный, зачастую похожий в своей импульсивности даже не на человека, а на какого-то стремительного зверя, — таков был Евдоким Лысухин. Случалось, что такая импульсивность и стремительность ему изрядно мешала, из-за них Лысухин совершал порой необдуманные и в определенной мере опасные поступки. Иначе говоря, там, где надо бы было поразмыслить, Евдоким Лысухин зачастую пред-

почитал действовать без всяких предварительных раздумий.

В каких-то случаях это было и хорошо, это было как раз то, что надо, но ведь бывали и другие случаи, когда без предварительных размышлений — ну просто-таки никак нельзя. Но предварительные размышления — это было не для Лысухина. Нет, думать, конечно, он умел, но большей частью уже потом. И даже винить себя мог за какие-то поспешные, а потому и не слишком разумные действия. Хотя это ничуть ему не мешало в следующий раз опять оголтело бросаться в атаки.

Но вот что удивительно — бóльшая часть таких атак ему вполне удавалась. Никому, и в первую очередь самому Лысухину, при этом непонятно было, по каким таким причинам и законам удача ему не изменяет, а просто — факт оставался фактом. Случалось, что Евдоким Лысухин выбирался целехоньким из таких переделок, в которых кому-то другому и головы-то не сносить.

Отчаянным парнем слыл на фронте капитан Лысухин, а отчаянных — всегда уважают особым уважением и любят особой любовью. Уважали и любили и Лысухина — без этого никак. Впрочем, сам он относился к такому к себе почтению с равнодушием, потому что не ради чьего-то уважения он геройствовал — он просто был таким, каков он есть.

Понятно, что при таком-то характере Евдоким Лысухин принялся отчаянно протестовать, когда ему сообщили о его новом назначении.

— Да вы что! — возмущался он. — Какой такой Смерш? Почему именно я? Я что же — плохо воюю? Не хожу за линию фронта, не добываю ценных сведений? Вот, позавчера приволок «языка» — самого настоящего фашистского гауптмана! Сплаваете меня, как негодное бревно по течению? В тыл отправляете? А вот не желаю!

— Ты, Лысухин, перво-наперво выбирай выражения и соблюдай субординацию! — втолковывало Евдокиму начальство, привыкшее в общем и целом к подобным демаршам Евдокима. — Ты в армии или где? Ты красный командир или кто? Как это так — не желаю? Что значит не желаю? А что такое приказ, ты знаешь? А что бывает за невыполнение приказа в боевых условиях, тебе ведомо? Так что — не буди лихо, пока оно тихо. Приказано тебе отправляться в Смерш, вот и отправляйся.

— А кто же будет за меня ходить в разведку? — упавшим голосом поинтересовался Лысухин.

— Я, — безжалостным тоном ответило начальство. — Вместе с нашим поваром Федченко. Еще вопросы имеются?

— Что хоть это за зверь такой Смерш? — скривился Лысухин.

— Ну, — поразмыслило начальство и сказало: — Это такое новое подразделение. Будешь ловить шпионов и всяких прочих диверсантов и вредителей. Полезное для Родины дело! Тем более — с твоей неумностью. Ты там, я мыслю,

их всех в одиночку переловишь, — не удержалось от ехидства начальство.

— Понятно, — мрачно сказал Лысухин. — А ругаться мне можно? Вот прямо здесь, в этом блиндаже, в вашем присутствии?

— Это можно, — милостиво позволило начальство. — Это — сколько тебе угодно. Любыми словами и оборотами.

Ругался Евдоким Лысухин целых восемь минут и при этом ни разу не повторился. Начальство, подперев кулаком подбородок, терпеливо, заинтересованно и понимающе слушало, не перебивая.

— Ну что, выговорился? — спросило наконец начальство. — Это — хорошо. Человек после этого приобретает душевное равновесие. Даже такой сумбурный, как ты. А теперь ступай. Ты же у нас командир роты, не так ли?

— Был до сего момента, — буркнул Лысухин.

— Значит, приступай к сдаче дел новому командиру, который заступит на твое место. И гляди мне — никаких митингов. А то знаю я тебя. Сдашь дела, и отбывай. В общем, желаю тебе успехов на новом боевом посту. Да гляди, не суй там башку куда ни попадя! Помни, что она у тебя одна!

Лысухин хотел отдать честь, но в итоге получилось что-то среднее между отданием чести и отчаянным взмахом руки. И он молча вышел из командирского блиндажа.

Без митинга, впрочем, не обошлось. Как только бойцы узнали, что их любимый командир отбы-